

Бракъ Мстиславны (1122 г.).

Настоящая статья имѣетъ цѣлю приложить посильное толкованіе нѣсколькихъ, всего четырехъ, словъ нашей лѣтописи, а именно извѣстія, что въ 1122 г. «ведена Мстиславна въ Грѣкы за царь»¹⁾.

Извѣстія о бракахъ между русскими княжескими родами и византійскимъ царствующимъ домомъ, по обыкновенію, чрезвычайно скудны какъ въ русскихъ лѣтописяхъ, такъ и у византійскихъ писателей. Наши лѣтописцы или совсѣмъ умалчиваютъ о нихъ (напр., о бракѣ кн. Олега Святославича), или въ лучшемъ случаѣ выражаются столь неясно, что вводятъ русскихъ историковъ въ ошибки. Почти то же можно сказать и о византійцахъ. Они обыкновенно говорятъ о свадьбахъ императоровъ и ихъ дѣтей, но очень часто не называютъ невѣсть по имени и не говорятъ о ихъ національности. Вслѣдствіе этого извѣстія византійскихъ писателей остаются довольно мертвымъ капиталомъ, который не можетъ быть по достоинству оцѣненъ. Но дѣло измѣняется, когда подобное неопредѣленное извѣстіе грековъ можетъ быть отождествлено съ аналогичнымъ извѣстіемъ изъ русскихъ лѣтописей. Въ этомъ случаѣ и самыя краткія свидѣтельства русскихъ и грековъ имѣютъ двойную цѣну, каждое слово ихъ получаетъ особенный вѣсъ и значеніе.

До сихъ поръ можно подсчитать слѣдующіе браки между Византією и Русью:

1. Ярополкъ Святославичъ женатъ на гречанкѣ (ок. 977 г.).
2. Владиміръ Святославичъ женатъ на той же гречанкѣ и затѣмъ на греческой царевнѣ Аннѣ (988 г.).

1) Ипатск. лѣт. Спб. 1871, стр. 206; въ Густынск. подъ тѣмъ же годомъ (П. С. Р. Л. II. 292): «Мстиславъ Володымеричъ отда дщерь свою за царевича Греческого, сына Іоанна Комнина»; въ Воскресенск. (П. С. Р. Л. VII. 25): «Дщи Мстиславля ведена бысть во Греки за царевича».

3. Владиміръ Мономахъ женатъ на гречанкѣ (ок. 1053 г.).
4. Византійскій императоръ Михайлъ Дука вель переговоры съ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ о бракѣ (1075 г.)¹⁾.
5. Олегъ Святославичъ женатъ на гречанкѣ Теофаніи Музалониссѣ (1082 г.)²⁾.
6. Дочь Володаря Ростиславича въ замужествѣ за Андроникомъ (или Исаакомъ) Комниномъ (ок. 1103 г.).
7. Марія Владиміровна въ замужествѣ за царевичемъ Леономъ (ок. 1104 г.).
8. Дочь Всеслава Брячиславича за сыномъ имп. Алексѣя Комнина (1106 г.).
9. Михайлъ-Святополкъ Изяславичъ женатъ на Варварѣ, дочери имп. Алексѣя Комнина (1106 г.).
10. Добродѣя Мстиславна въ замужествѣ за царевичемъ Алексѣемъ Комниномъ (1122 г.).
11. Борисъ Коломановичъ женатъ на родственницѣ императора (1136 г.).
12. Евфимія Глѣбовна въ замужествѣ за Алексѣемъ Ангеломъ (1195 г.).
13. Кн. Константинъ женатъ на Аннѣ Грековнѣ (ок. 1355 г.).
14. Княжна Анна Васильевна въ замужествѣ за царевичемъ Иоанномъ Палеологомъ (1414 г.)³⁾.

На первый взглядъ кажется, что число браковъ русскихъ князей съ гречанками одинаково числу браковъ византійскихъ царевичей съ русскими княжнами; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи равенство это исчезаетъ. Если говорить о бракахъ русскихъ князей съ дочерьми византійскаго *царствующаго* дома, то мы можемъ насчитать ихъ только не болѣе трехъ, изъ которыхъ два къ тому же еще сомнительны. И это очень характерно. Византія предпочитала сама усиливаться на счетъ другихъ государствъ, нежели склонна была давать усиливаться другимъ; поэтому общимъ правиломъ ея политики было: жениться на иностранкахъ, но не выдавать своихъ царевенъ въ за-

1) В. Гр. Васильевскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1875, ч. 182, отд. II. 270—315.

2) См. нашу статью въ «Визант. Времен.» 1894, I. 159—166.

3) См. наши замѣтки въ «Прав. Палест. Сборникѣ», 1889, XXIV, стр. I — III. Къ этому надобно прибавить, что имѣется еще надгробное слово Іосифа Вріеннія, произнесенное въ присутствіи самого Іоанна, по поводу кончины царицы Анны, и сохранился саккосъ митр. Фотія, на которомъ изображены между прочимъ Іоаннъ и Анна.

мужество за иностранныхъ принцевъ. Придворный поэтъ временъ Комниновъ, Теодоръ Птохо-Продромъ, по поводу брака Мануила съ Бертою Зульцбахъ, родственницею германскаго короля Конрада III, ясно даетъ это понять. «Радуйся,—говоритъ онъ,—новый Римъ (Константинополь), нынѣшнему входу (прибытію въ Византію Берты): чрезъ него ты оказался *главою* стараго Рима! Ибо послѣдній (старый Римъ) даетъ невѣсту, а ты жениха, а такъ какъ всѣ мы знаемъ, что мужъ есть глава жены, то ясно, что это (главенство) справедливо переходить и на тебя»¹⁾. Думаемъ, что хотя бы простой перечень браковъ между Византіею и иностранными государствами, съ обозначеніемъ, сколько женилось византійцевъ на иностранкахъ и сколько выходило византійскихъ царевенъ въ замужество за иностранныхъ князей, — и онъ былъ бы далеко не бесполезнымъ для точнаго установленія указаннаго положенія. Для этого интереснаго вопроса основнымъ пособіемъ была бы конечно работа Дюканжа «*Familiae Byzantinae*».

Говоря кратче, отъ X в. мы имѣемъ пока два брака, отъ XI в. — три, отъ XII в. — семь, отъ XIII в. ни одного, отъ XIV в. одинъ и отъ XV в., за византійскій періодъ, имѣемъ также одинъ бракъ. Можно почти съ увѣренностью сказать, что браковъ заключалось гораздо болѣе, но мы лишены возможности знать приблизительное количество ихъ по той причинѣ, какъ сказано, что лѣтописцы поскупились своими сообщеніями о нихъ. Но уже и изъ представленной таблички наглядно видно, какъ развивалось матримоніальное дѣло въ греко-русской исторіи. Мы выступили на историческую арену язычниками и естественно не могли еще входить въ родственныя сношенія съ христіанскою имперіею. Въ концѣ X в. мы приняли греческое христіанство и начали родниться съ греческимъ народомъ. На первыхъ порахъ, чего и естественно было ожидать, чувствовалась еще нѣкоторая натянутость отношеній, нѣкоторая недовѣрчивость, да къ тому же и существовалъ лишь тѣсный кругъ княжеской семьи, и если одинъ изъ членовъ этой семьи женился на греческой царевнѣ, то для другого члена этой семьи былъ уже закрытъ въ Византіи доступъ къ брачнымъ узамъ. Въ XI в., когда и знакомство русскихъ съ греками усилилось и княжеская семья очень возросла, мы поражаемся скудостью браковъ между русскими и византійцами. Объяснять это обстоя-

1) «Визант. Времен.» 1894, I. 80.

тельство политическимъ состояніемъ государствъ мы не беремся; скорѣе мы могли бы думать, что русскіе князья, слѣдившіе за жизнью Византіи, находили, что на пространствѣ всего XI в. чувствовалась въ Царьградѣ какая-то неустойчивость царской власти, что сегоднѣшній императоръ, съ короною на головѣ, завтра оказывался въ тюрьмѣ или съ выколотыми глазами, что сынъ и дочь сегодняшняго царя завтра становились или, вѣрнѣе сказать, были объявляемы подозрительными лицами и опасными интригантами, отъ которыхъ новое правительство спѣшило отдѣлаться подчасъ варварскимъ образомъ. Наши князья знали это и естественно воздерживались отъ выдачи своихъ дочерей замужъ за царей и принцевъ крови. И византійскіе императоры безъ сомнѣнія знали эту осторожность русскихъ князей и, не увѣренные въ прочности своей власти, не могли особенно заводить рѣчь о матримоніальныхъ дѣлахъ. Слѣдующій XII вѣкъ былъ особенно благопріятнымъ въ отношеніи браковъ. Въ Византіи воцарилась стойкая династія Комниновъ, на Руси явился Мономахъ со своимъ домомъ. Завязались болѣе правильныя и живыя сношенія между государствами, торговая, церковная и другія; довѣрчивость другъ къ другу проявилась въ полной силѣ. Государства поняли общность обоюдныхъ интересовъ, — Византія — интересы союзническіе, Русь — культурные, — и матримоніальное дѣло расцвѣло. Но послѣ прекраснаго расцвѣта вдругъ наступила гибель столь роскошно распустивашагося цвѣтка: неустойчивость царской власти въ Византіи и княжеской на Руси и здѣсь имѣла главное мѣсто. Съ начала XIII в. греческіе цари были изгнаны изъ Царьграда; столица ихъ, а съ нею и члены царскаго дома перешли лѣтъ на шестьдесятъ въ Никею; путь для сношеній очень затруднился. Но и Русь въ это время испытала великую помѣху своему свободному развитію: она была покорена татарами. Греческіе императоры вернулись снова въ Царьградъ, но времена настали уже другія и матримоніальнымъ связямъ не могло уже быть мѣста. Русь стала чуждаться Царьграда, какъ оскверненнаго латинскимъ завоеваніемъ, чуждаться его и потому, что нѣкоторые цари (напр., Михаилъ Палеологъ) явно стали дружить съ католичествомъ. Въ XIV в. мы видимъ только одинъ бракъ, въ XV в. — также одинъ бракъ, но оба они являются лишь какъ бы послѣдними, заключительными аккордами ко всей матримоніальной греко-русской мелодіи. Центръ тяжести этой мелодіи лежитъ на XII вѣкѣ. Послѣ сильнаго *allegro* вдругъ наступила гробовая пауза и пѣса окончилась

двумя минорными аккордами — *moriendo*. Вся эта пьеса не лишена известнаго эффекта и ждетъ еще своего композитора. А въ ожиданіи его мы позволимъ себѣ сообщить лишь одинъ актъ этой мелодіи.

Многіе изъ выше перечисленныхъ браковъ удостовѣрены или лѣтописями, или памятниками археологіи, но многіе остаются все еще неясными и даже сомнительными, ибо извѣстія о нихъ сообщены лишь очень поздними писателями. Намѣреваясь въ настоящее время говорить о бракѣ 1122 года, мы наблюдаемъ то же самое явленіе, о которомъ говорили выше, а именно, что извѣстія о немъ, какъ въ византійскихъ, такъ и въ русскихъ лѣтописяхъ, кратки, и краткость эта не могла не оказать своего отпечатка на всемъ этомъ изложеніи, сдѣлавъ его мѣстами гадательнымъ и, быть можетъ, недостаточно убѣдительнымъ.

Византійскій писатель второй половины XII в., Іоаннъ Киннамъ, упоминаетъ о свадьбѣ царевича Алексѣя Комнина и даже приводитъ небольшой рассказъ о его супругѣ; но, такъ какъ ни имени, ни національности этой послѣдней онъ не сообщаетъ, извѣстіе это доселѣ не могло быть использовано надлежащимъ образомъ. Знаменитый Дюканжъ, говоря о женѣ Алексѣя, выразился: *сujus nomen et familiam scriptores non prodidere*¹⁾. Съ другой стороны русскія лѣтописи сообщаютъ, что въ 1122 г. Мстиславна была ведена въ Греки «за царь». Наши старые историки, не достаточно освѣдомленные въ византійской исторіи, принимали это выраженіе какъ оно есть: находили подъ 1122 г. въ Византіи царя — имп. Іоанна — и заключали, что въ это время Мстиславна вышла замужъ за имп. Іоанна Комнина. Такъ рассуждалъ Татищевъ, очевидно, не справлявшійся въ данномъ случаѣ съ Густынскою лѣтописью²⁾. Но Кало-Іоаннъ былъ уже давно женатъ на венгерской принцессѣ и имѣлъ взрослыхъ дѣтей, а потому опровергнуть татищевскія разсужденія Карамзину было не трудно, но взамѣнъ того все-таки не легко было сказать что-либо положительное на счетъ лѣтописнаго извѣстія и самого брака³⁾. Знаменитый русскій византинистъ, незабвенный акад. В. Гр. Васильевскій также касался мимоходомъ этого вопроса, но и для него не раскрылись истинное значеніе, интересъ и вся важность этого событія.

1) C. Du Fresne Du Cange. *Historia Byzantina duplici commentario illustrata*. Lutet. Paris. 1682, p. 179.

2) В. Татищевъ. *Исторія Россійская*. М. 1773, II. 225.

3) Карамз. II прим. 225.

То, чего не удалось рѣшить ни Татищеву, ни Карамзину, попытаемся мы освѣтить въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Царствованіе Калужа Комнина протекло въ сравнительномъ мирѣ и спокойствіи. Онъ велъ мало войнъ и рѣдко выѣзжалъ изъ столицы¹⁾; время его характеризуется по преимуществу какъ эпоха договоровъ съ итальянскими государствами, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется краткость политическихъ извѣстій о его времени. Отецъ его, имп. Алексѣй, прославился на полѣ войны, сынъ его стяжалъ извѣстность миролюбіемъ и гуманностью, не загубивъ самъ ни одной жизни своихъ подданныхъ. Съ воцареніемъ Алексѣя Комнина, казалось, насталъ для имперіи новый порядокъ вещей: миновало время случайныхъ императоровъ на тронѣ; теперь, казалось, Алексѣй вполне созналъ всю важность вопроса о престолонаслѣдіи и весьма опредѣленно проводилъ мысль о необходимости законнаго преемства на тронѣ. Такимъ образомъ, византійское государство при первыхъ Комнинахъ представляло собою вполне прочную, живучую имперію, умѣвшую постоять за себя даже при нашествіи крестоносцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что слухъ о мощности Комниновъ достигалъ и до Кіева. Частыя сношенія Грековъ съ Русью и Русскихъ съ Византією должны были много способствовать этому. И на Руси въ это время выдвинулся домъ Мономаховъ, занявшій особое мѣсто среди княжескихъ фамилій. Мощностъ Мономаха, «егоже слухъ произыде по всимъ странамъ»²⁾, несомнѣнно была хорошо извѣстна Комнинамъ. Старшій сынъ Владиміровъ, Мстиславъ, готовился занять отцовскій престолъ, и на этотъ счетъ не было никакихъ сомнѣній между князьями: всѣ они мирились съ новымъ порядкомъ на Руси, не имѣя никакой возможности оспаривать права Мономаховичей. Такимъ образомъ, византійскіе Комнины и кіевскіе Мономаховичи удивительнымъ образомъ одновременно и согласно начинаютъ поворотный пунктъ въ исторіи двухъ народовъ. Связь эта, замѣтная и нынѣ, не могла не быть неясною въ то время. Комнины чувствовали свое родство съ Момахомъ по духу, равно какъ дѣти этого послѣдняго научались у первыхъ идеѣ самодержавія. Словомъ, Комнины и Мономаховичи одно-

1) Никита Акоминатъ Хоніатъ влагасть въ уста умирающаго Калужа слова: «почти вся жизнь моя прошла въ палаткѣ и всегдашнюю мою заботою было находиться въ полѣ» (I. 57 B), однако эти слова, сочиненныя самимъ историкомъ, характеризуютъ лишь его личный взглядъ.

2) Ипатск., 208.

времени сошлись въ своихъ взглядахъ на государственное управленіе своихъ странъ, почувствовали особенно близкую связь между собою и для скрѣпленія этой связи рѣшились между собою породниться. «Какъ бывало всегда и прежде и послѣ,—говоритъ акад. Васильевскій,—лучшимъ средствомъ для скрѣпленія политической дружбы признавался союзъ династическій—брачныя связи между двумя дворами» ¹⁾).

Старшій сынъ имп. Калуяна Комнина, царевичъ Алексѣй, родился въ 1106 (по Дюканжу) или 1107 г. (по Муральту) ²⁾. По достиженіи имъ совершеннолѣтія, отецъ приобщилъ его къ дѣламъ управленія, торжественно провозгласивъ его императоромъ (βασιλεύς) или точнѣе своимъ соимператоромъ, соцаремъ (συμβασιλεύς), своимъ пособникомъ ³⁾. Функции соимператора для насъ недостаточно ясны. Имя «соцаря» провозглашалось въ церквахъ во время богослуженія и писалось вмѣстѣ съ именемъ императора въ особо важныхъ и торжественныхъ случаяхъ, напр., въ договорахъ между Византіею и иностранными дворами и въ надписяхъ на камнѣ, напр., по поводу возстановленія стѣнъ города и пр.; видимымъ знакомъ отличія соимператора отъ принца крови вообще было право его носить наравнѣ съ императоромъ пурпуровую царскую одежду и красную обувь (принцы носили обувь исключительно голубую). Вмѣстѣ съ провозглашеніемъ Алексѣя на царство въ умѣ Калуяна возникъ вопросъ и о выборѣ невѣсты для наслѣдника престола, котораго Никита Хониатъ почему-то неточно называетъ «пурпуророднымъ» ⁴⁾. Византійскіе самодержцы избирали невѣсту для своихъ сыновей съ разныхъ сторонъ, руководясь интересами данной минуты и положенія вещей, смотря по тому, въ чемъ тогда нуждалась имперія и какой союзникъ былъ для нея въ данное время особенно желательнымъ. Имп. Алексѣй Комнинъ былъ женатъ на греческой аристократкѣ Иринѣ, сынъ его Калуянъ—на венгерской принцессѣ Иринѣ, четвертый сынъ послѣдняго Мануилъ—на нѣмкѣ Бергѣ-Иринѣ Зульцбахъ, потомъ на антиохійской княжнѣ, французкѣ Маріи. Въ описываемое время взоры Калуяна обратились къ

1) В. Гр. Васильевскій. Василия Охридскаго неизданное надгробное слово на смерть Ирины, въ «Визант. Времен.» I. 77.

2) Muralt. Essai de chronographie byzantine.

3) Muralt 125 относитъ это событіе къ 1123 году. Въ 1142 г., передъ своею смертью, Калуянъ говорилъ (Cinn. 28 B): Ἀλέξιος ἐπὶ τὴν βασιλείαν ἐκλήθη, καὶ ἡ γυνὴν χρόνους τισὶν ἀποδέδεικτο πρότερον. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Киннамъ пишетъ (Cinn. 23 B), что Калуянъ завѣщалъ царство Алексѣю *задому* (ἐκ πολλοῦ) до того времени.

4) Nicet. Choniata. in Man., IV, n° 6.

нашей Руси, къ Кіеву и ко двору Мономаха. Можно допустить, что рассказы греческихъ купцовъ и чиновниковъ доходили до императорскаго дворца и побуждали императора приступить къ сватовству. Являлось ли въ Кіевъ особое должностное лицо, особый довѣренный Калюяна, для осмотра дочерей Мстислава, мы не знаемъ; но въ Византіи такой обычай практиковался. Напр., когда имп. Мануиль въ 1161 г. ¹⁾ прослышалъ о дочеряхъ антиохійскаго князя Раймунда, онъ послалъ къ нему предварительно аколоуа Василя Каматира, и когда посланецъ вернулся въ Византію, Мануиль разспрашивалъ его обо всемъ, что касалось до Раймундовой дочери Маріи. Каматиръ подтвердилъ слухъ о красотѣ и другихъ качествахъ Маріи, и только тогда императоръ снарядилъ официальное посольство въ Антихію. Равнымъ образомъ имп. Калюянъ въ 1140 или 1141 году отправилъ въ Германію посольство, между прочимъ, для сватовства одной изъ принцессъ королевской крови за младшаго своего сына Мануила ²⁾. Византійская традиція отличалась необыкновенною устойчивостью: разъ устанавливались церемоніалы, они имѣли силу въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; поэтому какія нибудь 40 лѣтъ не имѣли никакого вліянія на измѣненіе обычныхъ церемоній. Можно поэтому предположить, что сначала въ Кіевъ, ко двору Мономаха и Мстислава, пріѣзжало особо довѣренное лицо имп. Калюяна, которое по возвращеніи въ Византію подтвердило слухъ о красотѣ и другихъ отличныхъ качествахъ Мстиславовой дочери ³⁾.

Изъ послѣдующаго времени жизни Мстиславны можно усматривать, что она уже въ Кіевѣ проявила нѣкоторую склонность и любовь къ природѣ, къ собиранію разныхъ травъ и кореньевъ и къ изученію ихъ цѣлебныхъ свойствъ. Наше выраженіе «кіевская вѣдьма» несо-

1) Синам. 210 В; Muralt 179.

2) В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.» I. 78.

3) Имени Мстиславны не находится ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей. Чуть ли не впервые Татищевымъ она названа *Добродѣю*; это имя повторено Карамзинымъ и съ того времени стало употребляться и всѣми, кто такъ или иначе касался этой дочери Мстислава. Возразить противъ него мы ничего не можемъ: имя съ начальнымъ «Добро» не безызвѣстно было въ то старое время (напр. Доброгнѣва и пр.). См. Морошкинъ, Славянскій Имянословъ. Спб. 1867. Соответственно этому народному имени христіанское имя Добродѣи могло быть *Евпраксія*. Ср. Морошкинъ 96: «Грамотники, духовные, желая осмыслить, сдѣлать понятными христіанскія личныя имена для славянина, старались греческое или римское имя переводить на славянскій языкъ» (такъ: Тимата, Тихомиръ, Тихомиръ—Климентъ; Богодаръ—Ѳеодъ; Богданъ—Ѳеодотъ; Домашній—Дометіанъ; Разумникъ—Софронъ; еще: Недѣля—Міріака; Петка—Параскева, и пр.).

мнѣнно имѣеть своимъ источникомъ стародавня времена, когда женщины (и въ томъ числѣ Мстиславна) *выдали* цѣлебный смыслъ травъ и растений, были знахарками и могли иногда давать полезные совѣты и помощь въ разныхъ болѣзняхъ.

Удостоверившись въ истинѣ слуховъ, Калуюнъ снарядилъ уже официальное посольство въ Кіевъ съ царскою грамотою, въ которой говорилось уже опредѣленно о сватовствѣ Мономаховой внуки за царя Алексѣя. Татищевъ подъ 1119 г. рассказываетъ, что бракъ былъ отложенъ на два года ради малости жениха ¹⁾. Замѣчаніе это не такъ безразсудно, какъ думалъ Карамзинъ, особенно если имѣть въ виду, что сватался не самъ имп. Калуюнъ, а сынъ его Алексѣй. Въ 1119 г. Алексѣю было не болѣе 13 лѣтъ, предполагаемой его невѣсты было по всей вѣроятности еще менѣе. Возможно, что предварительное неофициальное посольство Византіи и прибыло въ Кіевъ въ 1119 г.; возможно и то, что Момахъ и Мстиславъ, послѣ совѣшанія съ епископомъ Никитою изъяснивъ согласіе на бракъ, должны были отложить бракосочетаніе на нѣсколько лѣтъ, впредь до совершеннолѣтія жениха и невѣсты. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, говоритъ за то, что бракъ этотъ не былъ бракомъ по любви, что Алексѣю, такъ сказать, навязали невѣсту изъ Кіева, что союзъ былъ результатомъ государственной политики Калуюна и Мономаха. Русскіе лѣтописцы сообщали, что Мстиславна помолвлена въ грекахъ за *царя*, — выраженіе въ сущности очень точное, ибо Алексѣй былъ тогда уже объявленъ императоромъ; а наши историки, какъ сказано, истолковали это извѣстіе такъ, что дочь Мстислава была просватана за царя Іоанна Комнина, отца Алексѣева!

Прошло нѣсколько лѣтъ. Дружественныя отношенія между Кіевомъ и Византіею въ теченіи этого времени не нарушались, не появилось ни одного облачка, которое могло бы омрачить эти отношенія, если не считать того домашняго траура, что Мстиславъ 12 или 18 января 1121 г. лишился своей супруги Христины, матери Добродѣиной ²⁾. Съ наступленіемъ весны 1122 года Момахъ и Мстиславъ снарядили свою внуку и дочь къ путешествію въ Царьградъ. «Когда, — говоритъ акад. Васильевскій, очевидно, имѣвшій въ виду упомянутый

1) В. Татищевъ. Ист. Россійская. М. 1773, II. 222.

2) Новгородск. 1-я лѣт.; Густынск. (II. С. Р. Л. II. 292), Никоновск. (П. С. Р. Л. IX. 151), Воскресенск. (П. С. Р. Л. VII. 25).

текстъ Ипатской лѣтописи, въ русской лѣтописи встрѣчается выраженіе, что та или другая княжна была ведена Цесарюгороду для замужества съ тѣмъ или другимъ изъ членовъ фамиліи Комниновъ, то слово *ведена* должно быть въ иныхъ случаяхъ понимаемо въ самомъ простомъ и первоначальномъ значеніи—отправленія, отвоза на чужую сторону»¹⁾. Весною выѣхала изъ Германіи въ Константинополь и невѣста Мануилова Берта Зульцбахъ. Какова была свита Добродѣи, мы не знаемъ, но, очевидно, что тутъ находилось византійское посольство (ср. такое же посольство, ѣздившее за Бертою въ 1142 г.), родственники и родственницы невѣсты. Въ лѣтописи говорится, что въ 1122 г. прибылъ изъ Цареграда въ Кіевъ митрополитъ Никита. Татищевъ, неизвѣстно, насколько основательно, уже прямо заявилъ, что Добродѣю сопровождалъ изъ Кіева епископъ Никита, который ѣхалъ въ Царьградъ для рукоположенія въ санъ митрополита. Если Татищевъ самъ отъ себя придумалъ связь одновременной поѣздки Добродѣи и Никиты въ Царьградъ, то нѣсколько вѣроятно, а если такая связь была удостовѣрена въ той, не дошедшей до насъ, лѣтописи (Іоакимовской), которою онъ пользовался, то показаніе историка получаетъ значеніе вполне надежнаго источника; во всякомъ случаѣ, это свидѣтельство, какъ ничему не противорѣчащее, можетъ быть принято. Не было особой надобности Добродѣѣ ѣхать съ епископомъ, но Никита ѣхалъ въ Царьградъ по своимъ дѣламъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ бракомъ; онъ воспользовался лишь удобнымъ случаемъ ѣхать съ попутчиками-кіевлянами, съ которыми могъ вернуться и обратно. Въ тѣ времена въ вопросѣ о путешествіяхъ должны были особенно цѣнить и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ ѣхать въ большой свитѣ, ибо ѣхать одному или въ обществѣ двухъ-трехъ было не такъ безопасно. Изъ болѣе поздняго времени мы узнаемъ, что когда въ 1414 г. великій князь Василій Дмитріевичъ отправилъ въ Царьградъ свою дочь Анну въ замужество за византійскаго царевича Іоанна Палеолога, то въ свитѣ ея оказался инокъ Троице-Сергіева монастыря Зосима, но это обстоятельство ничего не говоритъ въ пользу путешествія русской невѣсты въ сопровожденіи непременно особъ духовныхъ, чернецовъ, — инокъ не былъ оффиціальнымъ лицомъ посольства, онъ воспользовался лишь удобнымъ случаемъ ѣхать въ свитѣ княжны—съ паломническою цѣлью, съ цѣлью поклониться святынямъ Цареграда и Іерусалима.

1) В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.», I. 86.

Итакъ, весною или лѣтомъ 1122 г. княжна со своею свитою на кораблѣ съ тремя рядами ярусныхъ скамей для гребцовъ, называемомъ триремою (τρίηρης), пристала къ берегамъ Цареграда. Бракосочетаніе имѣло мѣсто, вѣроятно, въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ Петрова поста, и происходило во св. Софїи. Мы не можемъ съ опредѣленностью сказать, была ли въ это время только вѣнчана Добродѣя, или она была еще и коронована. Но, такъ какъ ея женихъ уже былъ объявленъ императоромъ, то новобрачная могла быть также и коронована. «Въ Византіи, говоритъ новѣйшій изслѣдователь, вѣнчались на царство и супруги императоровъ»¹⁾. Такимъ образомъ, какъ надобно думать, во св. Софїи въ это время было совершено три акта: актъ переименованія Добродѣи греческимъ христіанскимъ именемъ, актъ бракосочетанія и актъ коронованія. Какъ была переименована Добродѣя, не сообщаютъ ни Киннамъ, ни Никита Акоминатъ, двое историковъ, которые наиболѣе подробно говорятъ о царствованіи Калуяна; но что переименованіе было необходимо, видно уже изъ того, что имя Добродѣи было не христіанское. Берта при вѣнчаніи и коронованіи получила имя Ирины. Мы выше предположили, что у себя въ Кіевѣ Добродѣя могла называться Евпраксією. Казалось бы, не было надобности давать Добродѣѣ новое имя, разъ она носила уже греческое христіанское имя Евпраксіи, или какое иное. Тѣмъ не менѣе, переименованіе въ Царьградѣ иногда дѣлалось и объяснялось, быть можетъ, семейными традиціями царствующаго дома. Новобрачной давали имя въ честь матери жениха, или вообще давали какое-нибудь любимое въ родѣ имя, которое могло не совпадать съ прежнимъ именемъ новобрачной. Бывали, впрочемъ, случаи, когда прежнее христіанское имя невѣсты удерживалось и при вѣнчаніи, однако и тогда происходилъ актъ переименованія невѣсты; напр., русская княжна Анна Васильевна въ 1414 г. была переименована (μετωνομάσθη) и все-таки и позже называется царицею Анною. Переименованіе дѣлалось иногда и у насъ на Руси: напр., княжна Екатерина Буйносова Ростовская въ царицахъ называлась Марією²⁾; Марія Хлопова, невѣста царя Михаила Ѳеодоровича, въ 1623 г. переименована была въ Анастасію, но, когда бракъ этотъ не состоялся, она снова стала называться Марією³⁾. Зоя (Зинаида) Ѳоминачна переименована была въ Софію. Но какъ была пе-

1) В. Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьковъ 1901, стр. 156.

2) Карамз. XII прим. 163.

3) Н. Д. Чечулинъ. Личныя имена. Спб. 1890 стр. 2.

реименована Добродѣя-Евпраксія? Казалось бы, что послѣ изслѣдованій Дюканжа, не увѣнчавшихся успѣхомъ, надежда на отысканіе имени Алексѣевой невѣсты утрачена навсегда. Между тѣмъ, оказывается, что византійская литература сохранила вполне опредѣленное ея имя. Но кто могъ бы думать, что это указаніе находится въ толкованіи извѣстнаго канониста XII—XIII вѣка Θεοδωρα Βαλσαμονα? Но любопытно, что въ то время, какъ у Βαλσαμονα имя Алексѣевой супруги дано вполне ясно, Дюканжъ, читавшій Βαλσαμονα, назвалъ ее анонимомъ. Наиболѣе вѣроятною кажется здѣсь та догадка, что Дюканжъ сдѣлалъ невольный промахъ, читая Βαλσαμονα, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, не по греческому подлиннику, а по латинскому его переводу, въ данномъ мѣстѣ сдѣланному совершенно неправильно.

Τῆς γὰρ μακαρίτιδος σεβαστῆς	Cum enim beatae (?) 'in Domino
χοῤῆς ζωῆς (т. е. Ζωῆς) τῆς συμ-	vitae (!) conjunx...
βίου ¹⁾ ...	

Такимъ образомъ и получилась у Дюканжа неизвѣстность Алексѣевой супруги, неопредѣленность, которая съ XVII вѣка оставалась таковою вплоть до настоящаго времени. Θεοδωρὸς Βαλσαμονὸς ясно и опредѣленно говоритъ, что женою Алексѣя была Зоя (Ζωή). Имя это впервые появляется при дворѣ имп. Льва Мудраго и должно было имѣть, по мнѣнію грековъ, особый символическій смыслъ. Извѣстно, что имп. Левъ VI отъ трехъ своихъ женъ не имѣлъ мужскаго потомства. Какъ велико было его желаніе имѣть наслѣдника престола, показываетъ то обстоятельство, что онъ еще при жизни своей супруги св. Евпраксії вступилъ въ связь съ аристократкою Зоею Карбонопсиною, отъ которой прижилъ сына (Константина). Съ того времени могло казаться, что имя Зои есть одна изъ гарантій имѣть мужское потомство. Возможно, что и Калуянъ Комнинъ, видя щедедушность Алексѣя и желая, чтобы у него были мальчики, настоялъ, чтобы (Евпраксія) Добродѣя была переименована именно этимъ символическимъ именемъ («жизнь» рода). Итакъ, во св. Софії въ

1) Migne. Patrol. gr., t. CXXXVIII. 801; Ῥάλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα τῶν κανόνων. IV. 251. Въ рукописяхъ и старыхъ печатныхъ изданіяхъ собственныя имена писались и печатались съ маленькой буквы, что и могло ввести въ заблужденіе переводчика. Изъ этого можно усматривать, что знаменитый французскій византинистъ, одинаково свободно читавшій латинскіе и греческіе тексты, чаще прибѣгалъ къ переводамъ, нежели къ подлинникамъ, и въ данномъ мѣстѣ сдѣлалъ невольный промахъ.

1122 г. Добродѣя Мстиславна была переименована въ Зою. Думать, что и на Руси Добродѣя могла называться Зоєю, едва ли приходится, ибо у насъ такого имени не было извѣстно. Добрыня Ядрейковичъ даже въ 1200 г. не могъ совладать съ именемъ св. Зои и писалъ его даже *Изаиле*, — такъ оно было у насъ необычно¹⁾! И даже въ XIV вѣкѣ наши предки не могли освоиться съ этимъ именемъ: Зоя Ѳоминична при бракосочетаніи съ великимъ княземъ Іоанномъ III была переименована въ Софію.

Послѣ нареченія имени слѣдовалъ, какъ можно думать, актъ бракосочетанія Алексѣя и Зои, общій церемоніаль котораго данъ имп. Константиномъ Багрянороднымъ въ сочиненіи *De cerimoniis*²⁾. Послѣ бракосочетанія происходилъ актъ коронованія новобрачныхъ. Коронованіе, то-есть возложеніе рукъ на молодыхъ (императора или особъ царскаго дома) могъ совершать только патріархъ. Въ 1161 г. во время коронованія имп. Мануила и Маріи присутствовало во св. Софіи даже три патріарха—вселенскій, александрійскій и антиохійскій. При этомъ Зоя получила титулъ севасты, анассы и василиссы. Торжество заканчивалось пирами для придворныхъ и развлеченіями для народа.

Послѣ свадьбы кіевскій епископъ Никита былъ поставленъ патр. Іоанномъ IX Агапитомъ или Халкидоняниномъ (1111 — 1134) въ митрополита кіевского и, быть можетъ, съ русскимъ брачнымъ посольствомъ вернулся въ Кіевъ³⁾, гдѣ онъ былъ уже въ началѣ августа: 6-го августа онъ въ свою очередь поставилъ Симеона епископомъ во Владимирѣ. Тестъ царя Алексѣя, князь Мстиславъ Владиміровичъ, вступилъ, между тѣмъ, во второй бракъ—съ дочерью новгородца Дмитрія Завидовича.

Новобрачные Алексѣй и Зоя зажили тихою семейною жизнію. Въ это время у Калужа шла война съ печенѣгами (скивами), уже перешедшими Дунай; впрочемъ, императоръ скоро одолѣлъ враговъ и въ

1) Въ старину существовало имя *Зуя* (Морошкинъ, стр. 23 и 92 словаря), безъ сомнѣнія тождественное съ Зоєю (ср. ζωγράφος = зуграфъ), но мало вѣроятно, чтобы оно было русскаго происхожденія.

2) Migne. Patr. gr., CXII. 445.

3) Въ Густынской лѣтописи (П. С. Р. Л. II. 292) объ этомъ говорится подъ 6630 (1122) г.: «Въ то же лѣто приде зъ Грекъ Никита митрополитъ, посвященъ Іоанномъ патріархомъ» (ср. Никон.: П. С. Р. Л. IX. 151; Воскрес.: П. С. Р. Л. VII. 25), и подъ 1126 г.: «Въ се лѣто посвященъ бысть Никита митрополитъ Кіеву, грекъ, отъ патріархи Іоанна».

честь этого событія установилъ «праздникъ Печенѣжскій» (τὴν τῶν Πατζινάκων τελετήν)¹⁾.

Со времени Печенѣжской войны Византія наслаждалась полнымъ миромъ. Калуюнъ и Алексѣй могли посвящать время внутреннимъ дѣламъ государства. Къ сожалѣнію, Алексѣй не отличался крѣпкимъ здоровьемъ и вообще не обладалъ качествами, которыя составляли въ глазахъ Калуюна необходимое условіе для византійскаго государя. Второй сынъ его, севастократоръ Андроникъ, былъ тоже слабаго здоровья и такъ же мало подавалъ радости и утѣшенія императору. Третій, Исаакъ, опять былъ не крѣпкаго здоровья, хотя отличался и исполнскимъ ростомъ, и къ тому же былъ крайне жестокъ часто изъ-за маловажныхъ причинъ²⁾. Только четвертый, Мануилъ, выдѣлялся передъ всѣми братьями: уже съ ранняго дѣтства онъ проявлялъ живой умъ, жизнерадостность и находчивость въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Напр., при осадѣ Неокесаріи въ 1140 г. Мануилъ, которому не было еще и 18 лѣтъ, зарекомендовалъ себя мужествомъ и отвагою, за что самъ отецъ назвалъ его спасителемъ византійскаго войска³⁾. Калуюнъ, казалось, сталъ переносить свою любовь съ Алексѣя на Мануила. Когда родился Мануилъ, говоритъ Киннамъ (23B), тотчасъ (αὐτίκα) появились предсказанія, что онъ будетъ императоромъ. Рожденіе Мануила совпадаетъ съ годомъ брака царя Алексѣя. Поэтому слѣдуетъ думать, что Калуюнъ вскорѣ послѣ свадьбы Алексѣя почувствовалъ къ нему извѣстнаго рода охлажденіе. Произошла ли перемѣна въ Алексѣѣ, сказать невозможно, а если эта перемѣна и произошла въ немъ, то подъ какимъ вліяніемъ? Но думать, что на мужа могла оказать вліяніе его молодая жена Зоя, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Гораздо болѣе вѣроятно, что причина нерасположенія Калуюна къ первородному сыну заключалась въ томъ, что Алексѣй не имѣлъ мужского потомства. Это обстоятельство, опускаемое изъ вида изслѣдователями, въ судьбахъ самодержавной власти и византійскаго трона играло очень важную роль. Византія, продолжая традиціи императорскаго Рима, какъ извѣстно, не дошла до сознанія, а, главное, до осуществленія законности власти. Престолъ самодержца былъ сѣдалищемъ не законнаго его наслѣдника, а всякаго честолюбца, которому удавалось провести ловкую интригу, обезоружить другихъ, опасныхъ

1) Nicet. Choniat. I. 23 Bonn.

2) Nicet. Choniat. in Manuel. I n° 2.

3) Ioan. Cinnam. 21 B.

для него честолюбцевъ, наградить третьихъ. Отдѣльные императоры не могли не сознавать существующаго зла, но что они дѣлали? Не додумавшись до проведенія въ жизнь императорскаго акта о престолонаслѣдіи, они хотѣли разбить вѣковыя оковы лично для себя, устранить недостатковъ законодательства своимъ личнымъ произволомъ. Напр., имп. Константинъ V, сынъ имп. Ирины, женившись на внукѣ св. Филарета Милостиваго, Маріи, когда послѣдняя родила ему дочь, насильно постригъ свою жену въ монастырь, а самъ вступилъ въ нонный бракъ, безъ сомнѣнія желая имѣть потомство мужескаго пола¹⁾. Византійскіе писатели, умѣвшіе всегда прикровенно объяснять щекотливые вопросы изъ жизни своихъ государей, писали: Константинъ не любилъ Маріи, посему и развелся съ нею; Константинъ вступилъ въ новый бракъ, совершивъ этимъ прелюбодѣяніе, и т. д.; тайна придворной жизни, не раскрытая современниками, раскрывается подъ перомъ изслѣдователя. И это совершенно вѣрно. И у насъ великій князь Василій III заточилъ въ монастырь свою неплодную супругу Соломонію Сабурову безъ сомнѣнія потому, что не рассчитывалъ имѣть отъ нея мужского поколѣнія, и женился на Еленѣ Глинской, которая подарила ему Іоанна.

Прошло, повидимому, нѣсколько лѣтъ со времени свадьбы царя Алексѣя, а у него не было дѣтей. Имп. Калуйнъ задумывался надъ вопросомъ о неплодности Зои, не могъ не беспокоиться при мысли, что царь Алексѣй долженъ будетъ впослѣдствіи передать царскую власть не по прямому колѣну. Естественно, что онъ, не находя отрады въ трехъ своихъ хилыхъ сыновьяхъ, съ особенною любовью останавливался на самомъ младшемъ, Мануилѣ, и въ немъ видѣлъ человѣка, который можетъ продолжить родъ Комниновъ по прямой линіи. Царедворцы, всегда чуткіе къ малѣйшимъ колебаніямъ въ настроеніи своего государя, тотчасъ подмѣтили начавшуюся въ немъ перемѣну и уже въ отрокѣ Мануилѣ подмѣтили будто бы признаки, по которымъ видно было, что Мануилъ сдѣлается императоромъ. Киннамъ сообщаетъ два такихъ признака. Однажды во снѣ предстала Мануилу важная женщина, въ черномъ платьѣ, съ пурпуровыми туфлями въ

1) Другіе императоры однако не придавали повидимому значенія тому обстоятельству, если у нихъ рождалось и нѣсколько дочерей подъярьдъ и не было ни одного сына. Напр. имп. Теофилъ отъ Теодоры имѣлъ сначала пять дочерей, пока наконецъ у него родился сынъ Михаилъ («Виз. Времен.» 1901, VII, 35), и тѣмъ не менѣе онъ до конца любилъ свою супругу.

рукахъ, какія обыкновенно носили византійскіе императоры, подавала ихъ Мануилу, а его собственныя, голубыя, велѣла снять. Ребенокъ, проснувшись и не находя красныхъ туфель, началъ плакать, думая, что ихъ унесъ слуга. Подъ важною женщиною въ черномъ платьѣ (ὄψις σεμνή, μέλαινα ἐσθής), по смыслу сновидѣнія, какъ кажется, надо разумѣть Зою Мстиславну: одѣвшись въ трауръ по смерти мужа, она естественно теряла право на корону и должна была передать его слѣдующему брату своего мужа. Но если толкованіе этого сна должно быть таково, то очевидно, что сновидѣніе имѣло мѣсто не въ ранней молодости Мануила, а уже послѣ смерти царя Алексѣя, не ранѣе, но и не позже 1142 г., во всякомъ случаѣ, до смерти имп. Калуюна. Затѣмъ будто бы одинъ галилейскій отшельникъ, бесѣдуя съ имп. Калуюномъ и увидѣвъ всѣхъ сыновей его, благоговѣйно благословилъ изъ нихъ одного Мануила и на вопросъ императора, что это значитъ, отвѣтилъ, что изъ всѣхъ дѣтей царя одинъ Мануиль кажется ему императоромъ¹⁾. Другой византійскій историкъ, Никита Акоминатъ, передаетъ еще одинъ признакъ. По словамъ его, царь Іоаннъ видѣлъ во снѣ нововѣнчаннаго сына Алексѣя верхомъ на львѣ и управляющимъ звѣремъ за уши. Видѣніе это означало, что сынъ его Алексѣй хотя и будетъ владѣть царствомъ, но только номинально, и будетъ лишентъ царской власти, чтò вскорѣ и случилось (ὁ καὶ μικρῷ συμβέβηκεν ὑστερον)²⁾. Если эти анекдоты явились до окончательнаго рѣшенія Калуюна остановить свой выборъ на младшемъ сынѣ, то они могли имѣть рѣшительное вліяніе на шагъ императора; если же, чтò кажется наиболѣе вѣроятнымъ, они были вымышлены, *post factum*, то, очевидно, появились уже въ то время, когда мысль императора о передачѣ короны самому младшему изъ сыновей ни для кого при дворѣ не была тайною.

Но рѣшительному шагу имп. Калуюна въ этомъ направленіи не суждено было имѣть мѣста. Приблизительно около 1129 г., черезъ семь лѣтъ послѣ свадьбы Алексѣя, Зоя разрѣшилась отъ бремени дочерью, имени которой мы не знаемъ. Радость при дворѣ, какъ надобно думать, была необычайная. Калуюнъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ хотя бы на время заглушить въ себѣ прежнее намѣреніе; Мануиль, если онъ сознавалъ это, увидѣлъ, что шансы его къ занятію престола теперь значительно отодвинулись на задній планъ. На радост-

1) Cinn. 23, 24.

2) Nicet. Choniât. I. 24. Bonn.

ное торжество въ Константинополь прибыли, быть можетъ, и нѣкоторыя родственницы родильницы изъ Россіи. Основаніе этому мы находимъ въ извѣстіи паломника 1200 г. Антонія Новгородскаго. Говоря о мощахъ святыхъ въ Цареградѣ, онъ пишетъ: «ту лежитъ блаженная Ксенія Брячиславля»¹⁾. Эта Ксенія приходилась родною сестрою Добродѣѣ-Зоѣ и была замужемъ за полоцкимъ княземъ Брячиславомъ Борисовичемъ; прибытіе ея въ Царьградъ и можно объяснить желаніемъ навѣстить свою родную сестру Зою, особенно послѣ того, какъ та разрѣшилась отъ бремени. Около того же времени были привезены въ Царьградъ полоцкіе князья, сосланные сюда Мстиславомъ: Борисъ - Давидъ съ сыномъ Рогволодомъ - Василиемъ, Рогволодъ съ сыновьями: Василькомъ и Иваномъ, Ростиславъ и Святославъ-Георгій съ дѣтьми: Василькомъ, Вячеславомъ, Давидомъ, Евпраксією и Предслагою - Евфросинією. Жестокій ударъ былъ нанесенъ Ксеніи, и не могла она перенести его. Благочестивая дочь Мстислава, она сокрушалась по поводу крутаго поступка своего отца, скорбѣла, быть можетъ, и о поведеніи нѣкоторыхъ своихъ полоцкихъ родственниковъ, тихо скончалась здѣсь и была погребена въ церкви нагорной части столицы — въ Перѣ. Тогда же, вѣроятно, скончался въ Византіи и Борисъ - Давидъ Всеславичъ, погребенъ въ церкви св. Платона и прославился святостію; тотъ же Антоній пишетъ (стр. 30, 62, 88): «и Борисъ ту въ тѣлѣ лежитъ».

Но радость имп. Калюяна и вообще при византійскомъ дворѣ была непродолжительна. Послѣ дочери Зоя уже болѣе не рожала дѣтей. Иоанну снова приходилось думать надъ вопросомъ о престолонаслѣдіи, и снова царь Алексѣй впалъ въ немилость отца. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта дума Калюяна, если бы не случилось неожиданнаго событія, которое вывело императора изъ его затруднительнаго положенія. Въ 1142 г. Калюянъ со всѣми своими сыновьями отправился въ походъ противъ турокъ въ Памфилію. И здѣсь, въ Аталіи, вскорѣ одинъ за другимъ, сошли въ могилу оба старшіе его сына — царь Алексѣй и севастократоръ Андроникъ, сраженные изнурительною лихорадкою. «Болѣзнь у Алексѣя,—говоритъ Никита (I. 51 В),—была острая, а не хроническая, именно быстро поражающая горячка, которая, какъ на крѣпость, пала на его голову». Имп. Калюянъ, повидимому, не былъ убитъ горемъ; для него было бы несрав-

1) Правосл. Палест. Сборн., 1899, LI, стр. 36, 66, 92.

ненно больше лишиться навсегда Мануила. Тѣла умершихъ сыновей онъ поручилъ отвезти въ столицу третьему сыну Исааку, а самъ съ Мануиломъ продолжалъ оставаться на театрѣ войны.

Печальная вдова, севаста Зоя Мстиславна облеклась въ трауръ и носила его съ тѣхъ поръ, кажется, долгое время.

Вскорѣ послѣ смерти Алексѣя и Андроника въ томъ же 1142 г. скончался въ Атталіи (или Киликіи) и самъ Калуйнъ, отъ заражения крови отъ стрѣлы въ его колчанѣ¹⁾. На престолъ вступилъ Мануилъ, который такъ искусно повелъ дѣло, что обезоружилъ своего болѣе старшаго брата Исаака, отнявъ у него возможность къ предъявленію правъ на престолъ. Въ 1144 г., 22-хъ лѣтъ отъ роду, Мануилъ вступилъ въ бракъ съ нѣмецкою принцессою Бертою фонъ Зульцбахъ, сестрою жены германскаго короля Конрада III Гогенштауфена, съ которою онъ былъ обрученъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Когда Берта прибыла въ Константинополь, ее встрѣтили лица изъ высшихъ фамилій и, между прочимъ, двѣ царицы (ἄνασσαι), то-есть вдова царя Алексѣя, севаста Добродѣя-Зоя, и вдова севастократора Андроника, Ирина²⁾. Церемоніаль требовалъ, чтобы особы въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ являлись въ свѣтломъ нарядѣ. Севастократорисса Ирина, кажется, такъ и поступила. Напротивъ, Зоя пошла наперекоръ византійскому этикету. Надѣвъ трауръ при извѣстіи о кончинѣ супруга, она не снимала его, кажется, долго и даже въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ встрѣча своей будущей невѣстки, она демонстративно давала понять о своемъ горѣ и о своемъ траурѣ. По словамъ Киннама, о ней (Зоѣ) рассказывали слѣдующее. Какъ скоро Берта прибыла въ Византію, встрѣтили ее и другія особы изъ высшихъ фамилій и супруга царя Алексѣя. Последняя была одѣта въ платье изъ кисей, прошитой золотомъ и пурпуромъ, но отливъ кисей дѣлалъ ее темною, похожею на странницу³⁾. Посему Берта - Ирина спросила присутствующихъ: кто такая эта пышно одѣтая монахиня? Слышавшіе такой вопросъ [очевидно отвѣтившіе:

1) Въ такомъ видѣ передаетъ дѣло Киннамъ. Пикита Хоніатъ и Вильгельмъ Тирскій рассказываютъ иначе. См. В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.», I, 82.

2) Migne. Patr. graeca, t. CXXXIII, col. 1360—1362; ср. В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.», I, 81—82.

3) Cinn. 36 B: ἀλλὰ τὸ τοῦ βύσσου κυανχυγὲς μελαμφόρον τούτην ἐποίησεν τῇ νεύλῳ κατὰ γίνεσθαι. Въ латинскомъ переводѣ не совсѣмъ точно: sed ob colorem in byssino saeruleum, cum atrata mulier novae nuptae videretur. Въ русскомъ переводѣ (стр. 37) неточность еще большая: «но отливъ пурпура на кисей дѣлалъ его (пурпуръ?) темнымъ, похожимъ на платье пилигримки».

это — севеста Зоя, вдова царя Алексѣя, ваша будущая невѣстка] почили его предзнаменованіемъ совѣтъ не хорошимъ, что вскорѣ и оправдалось¹⁾. Акад. В. Гр. Васильевскій передаетъ ту же сцену такимъ образомъ: «При встрѣчѣ нѣмецкой, усыновляемой Византією, принцессы молодая императрица, супруга Алексѣя (то-есть Добродѣя-Зоя, оставшаяся неизвѣстною знаменитому русскому византинисту), была одѣта соотвѣтственно съ своимъ саномъ въ *темноглубое* платье изъ виссоновой ткани; въ сочетаніи съ золотомъ и пурпуромъ, который она имѣла право носить какъ царица, внѣшность производила такое впечатлѣніе, какъ-будто супруга Алексѣя была одѣта въ *черное*, и вотъ удивленная и наивная нѣмецкая принцесса спрашиваетъ: кто эта столь пышно одѣтая монахиня? Вопросъ произвелъ смущеніе, такъ какъ сейчасъ же былъ истолкованъ въ смыслѣ дурной примѣты присутствующими суевѣрными византійцами обоого пола. Дѣйствительно, Берта напророчила бѣду и притомъ не для одной только жены старшаго царевича²⁾».

Послѣднія слова Киннама, не объясненныя имъ и позже, заставляютъ задуматься: видѣтъ ли въ нихъ намекъ на то, что вдова Алексѣя въ царствованіе имп. Мануила ушла въ монастырь и такимъ образомъ дала возможность имп. Иринѣ отличиться своимъ пророчествомъ? Но въ такомъ случаѣ неясно, въ чемъ заключается тутъ «дурное предзнаменованіе»? Византійскія, какъ и русскія, княжны и царевны, уже не говоря о царицахъ-вдовахъ, часто уходили въ монастыри; удаленіе во иноческую обитель въ глазахъ міра особенно въ то время не могло считаться несчастіемъ, чтобы случайно брошенное замѣчаніе могло быть разсматриваемо какъ дурное предзнаменованіе оправдававшегося впоследствии случая. Не довѣряя собственному пониманію вышеприведеннаго мѣста Киннама, мы обратились за разъясненіемъ его къ А. И. Пападопуло-Керамевсу. Этотъ почтенный ученый сообщилъ намъ, что извѣстіе Киннама надобно понимать такъ, что *конецъ жизни* вдовы Алексѣя былъ нехорошимъ. Такое толкованіе прекрасно разрѣшаетъ и устраняетъ всякую неясность. Уже по одному тому, что Зоя вышла на встрѣчу Бертѣ въ темномъ (или казавшемся темнымъ) платьѣ, греки заключили, что Зоя окончитъ свои дни нехорошо, — «что, говоритъ Киннамъ, и оправдалось». Такимъ образомъ, замѣчаніе Берты - Ирины относилось не къ иночеству Зои,

1) Cinnam. 36 B.

2) «Визант. Времен.», I. 82—83.

а къ ея нехорошему концу. Дѣйствительно, есть данныя, которыя могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что Зоя скончалась въ мірѣ и что конецъ ея жизни былъ по тому времени предосудительнымъ. Упомянутый уже Θεόδωρ Вальсамонъ рассказываетъ слѣдующее: «покойная севаста госпожа Зоя, супруга пансеваста онаго господина Алексѣя Комнина, сына славнаго севастократора (то-есть Іоанна Комнина) впала въ тяжкую болѣзнь», отъ которой и умерла¹⁾. Слово *χορὰ* (госпожа) примѣнялось только къ лицамъ мірскимъ. Если бы это была уже инокиня, Вальсамонъ не назвалъ бы ее севастою, не назвалъ бы ее госпожею, не назвалъ бы ее супругою, наконецъ, не назвалъ бы ее и Зоею, ибо это имя совсѣмъ не иноческое, а мірское, — онъ выразился бы примѣрно такъ: «покойная оная (*ἐκείνη*) инокиня N.,» и этимъ словомъ *ἐκείνη* онъ и указалъ бы на знатность ея рода. Наконецъ, если бы Зоя была инокинею, то было бы совершенно непонятнымъ и страннымъ, что она дѣлала передъ своею смертию и о чемъ мы сейчасъ скажемъ. Такимъ образомъ, повидимому, слѣдуетъ, что севаста Зоя скончалась въ мірѣ. Быть можетъ, при такихъ же условіяхъ, въ какихъ находилась Зоя, другія византійскія женщины и уходили въ монастыри, но русская женщина помнила, что у ней на рукахъ есть дочь, которая нуждается въ приличномъ ей материнскомъ воспитаніи, и потому, любя мужа при жизни и почитая его память по смерти, отдала всю себя для обученія дочери (которую впослѣдствіи выдала замужъ за одного виднаго государственнаго человѣка — Алексѣя Аксуха). Вальсамонъ продолжаетъ: когда она впала въ тяжкую болѣзнь, «врачи отказались отъ ея излеченія въ виду противоположности многообразныхъ ея болѣзней. Нѣкоторые ворожеи заявили, что она страдаетъ маніей къ колдовству и знахарству, и несправедливо принуждали испытать многихъ чудныхъ ея женщинъ, а равно и мужчинъ. Они тайно бросали по угламъ божковъ, сдѣланныхъ изъ воска, сатанински ощупывали и отыскивали ихъ, и много другого страшнаго они дѣлали для презрѣнія Бога и наказанія многихъ людей; а сами безбожные, когда не могли сдѣлать дѣла, исчезли. Знатнѣйшая же оная жена не только не получила никакой помощи, но и, изнуренная хроническою болѣзнію, умерла, взявъ худой подорожникъ — негодованіе противъ нея божественныхъ канонъ, которое Господь Богъ облегчилъ за другія ея добрыя дѣла»²⁾.

1) Migne. Patr. gr., t. 138, col. 81; ср. 'Ράλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα, IV. 251.

2) Migne. Patr. gr., t. 138, col. 801. (ср. 'Ράλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα τῶν... κανο-

Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень интереснымъ явленіемъ въ жизни византійскаго общества—съ волхвованіемъ и чародѣйствомъ. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, припомнимъ, что было нами сказано ранѣе, именно что Евпраксія-Добродѣя по всей вѣроятности еще въ Кіевѣ возымѣла склонность къ изученію лѣкарственныхъ травъ, другими словами, такъ сказать къ медицинѣ. Флорентинская греческая рукопись (plut. VII cod. XIX), XIV вѣка, еще до нашей поѣздки въ Италію, заинтересовала насъ медицинскимъ трактатомъ, носящимъ заглавіе: *Ἀλειμμα τῆς κυρᾶς Ζωῆς τῆς βασιλίσσης*¹⁾. Въ настоящее время мы имѣемъ копію этого памятника и склонны къ предположенію, что этотъ трактатъ, или вѣрнѣе только извлеченіе изъ него, можетъ быть произведеніемъ нашей Мстиславны. Мы знаемъ на перечесть всѣхъ царицъ Византіи, которыя носили имя Зои (Зои Карбонописины, X в., Зои, дочери Романа II, XI в., и т. д.), но ни къ одной изъ нихъ, за исключеніемъ нашей Мстиславны, не можетъ подходить авторство въ области медицинской. Волхвованіе и чародѣйство, которыми занималась, по извѣстіямъ византійцевъ, Евпраксія-Зоя, были въ тѣ времена средствами врачеванія. Зоя прибѣгала къ этому способу лѣченія въ послѣдніе дни своей жизни, когда, повидимому, уже не имѣлось никакихъ другихъ средствъ къ восстановленію здоровья. Но во цвѣтѣ лѣтъ и силъ она, какъ кажется, много занималась въ излюбленной ею области, быть можетъ перечитала доступныя ей медицинскія сочиненія (Галена, Иппократа, Семеона Сина и пр.) и въ результатѣ—сама написала руководство по медицинѣ, гдѣ между прочимъ совѣтуетъ въ осеннее и зимнее время года «жить въ очень теплыхъ жилищахъ и покрываться грѣющими покрывалами» (*σκεπάσματος θερμαίνουσιν*), подъ которыми едва ли не надо разумѣть наши шубы, гдѣ придастъ большое значеніе банѣ, которая «очень предохраняетъ

νων. Ἀθήνησιν 1854, IV. 251—252): *Τῆς γὰρ μακαρίτιδος σεβαστῆς κυρᾶς Ζωῆς, τῆς συμβίου... Ἀλεξίου κυροῦ Κομνηνοῦ... νόσῳ περιπεσοῦσης βαρεῖα καὶ τῶν ἰατρῶν ἡπαγορευσάντων τὴν θεραπείαν αὐτῆς διὰ τὴν τῶν πολυειδῶν νοσημάτων ἐναντιότητα, ἐθνικοὶ τινες ἐπαγγειλάμενοι θεραπεύσαι αὐτήν, ὡς δὴθεν ἀπὸ μαγικῶν μαγγανειῶν νοσηλευομένην, συνώθησαν ἀδίκως ἐτασθῆναι πολλὰς καὶ θαυμαστὰς γυναικᾶς αὐτῆς, ἔτι μὲν καὶ ἄνδρας. Ἐριπτον δὲ κύρυα ἐν γωνίαις κηρόπλαστα εἰδῶλα καὶ σατανικῶς προεμήνουσιν τὴν τοῦτων ἀναψυλάφησιν καὶ εὐρεσιν. καὶ ἄλλα δὲ μυρία δεινὰ διεπράττοντο εἰς καταφρόνησιν τοῦ Θεοῦ καὶ τιμωρίαν ἀνθρώπων πολλῶν, καὶ αὐτοὶ μὲν οἱ ἄθροισι ἀπρακτῆσαντες ἀφανεῖς ἐγεγόνεισαν. Ἦ δὲ πανευγενεστάτη ἐκείνη γυνὴ οὐ μόνον οὐκ ἀπώνατό τι, ἀλλὰ καὶ τῇ νόσῳ χρόνιως προσπαταλευθεῖσθαι ἐκ τοῦ βίου μετέστη κακὸν ἐφόδιον ἐπὶ οἰσθεῖσθαι τὴν ἀπὸ τῶν θείων κανόνων κατ' αὐτῆς ἀγκυαχτήσιν, ἣν ἐπικουφίσαι κύριος ὁ Θεὸς ἐπὶ τὰς ἄλλας ἀγαθοεργίας αὐτῆς.*

1) Cp. Bandini. Catalogus codd. mss. bibl. Mediceae Laurentianae. Florentiae 1765 I. 262—266. Бандини не могъ прочесть въ рукописи τῆς κυρᾶς.

здоровье и укрѣпляетъ тѣло». Все это такіе совѣты, не встрѣчающіеся въ медицинскихъ книгахъ самихъ грековъ, которые могъ давать только авторъ, знакомый съ климатомъ Руси и усвоившій себѣ исконныя особенности ея жителей. Что трактатъ Зои имѣлъ для своего времени важное значеніе, доказываетъ фактъ пользованія имъ со стороны греческихъ медиковъ, которые ставятъ Зою рядомъ съ другими врачебными знаменитостями. Обширность извлеченія изъ ея "Αλεισμα свѣдѣтельствуетъ о важности и полезности сообщенныхъ ею свѣдѣній и даже объ оригинальности автора, потому что епитоматоръ-врачъ безъ сомнѣнія зналъ, что онъ списываетъ вещи, еще неизвѣстныя дотолѣ. Когда Зоя заболѣла своею послѣднею болѣзнію, она, какъ надо думать, обратилась прежде всего къ серьезной медицинѣ, медицинѣ какъ наукѣ; но когда послѣдняя оказалась безсильною излѣчить ея недугъ, Зоя въ послѣдней крайности обратилась къ волхвованію и чародѣйству. И здѣсь подобный скачокъ характеризуетъ преимущественно русскую душу. Только русскому человѣку свойственно идти на «авось», рядомъ съ серьезнымъ дѣломъ заниматься суевѣріемъ: не помогла наука, побробовать фокусы? Вѣдь во всякомъ случаѣ они вреда не принесутъ, а можетъ быть (кто знаетъ?) и помогутъ?... авось?

Сложностью понятія «чародѣйство» объясняется многочисленность его наименованій въ языкѣ византійскомъ. Наиболѣе общими понятіями являются: *οἱ μάγοι* (*μαγεῖαι*=*φαρμακεῖαι*) и *οἱ μάντιες* (*μάντευμα*, *καταμαντεύεσθαι*); болѣе частными или специальными терминами были: *οἱ ἐπασιδοί* (*ἐπασιδῖαι*), въ нѣкоторыхъ случаяхъ тождественное съ нимъ *οἱ γόητες* (*γοητεῖαι*), *οἱ γητεῖται*, *οἱ γητευτρίαι*, *οἱ μαθηματικοί*, *οἱ ἀστρολόγοι*, *οἱ νεφροδιῶνται*, *οἱ κριτρίαι* (*μετὰ κριδῶν μαντεύεσθαι*), *οἱ περιάπται* и проч., и общее обозначеніе всѣхъ этихъ чародѣевъ на языкѣ канонистовъ было: *οἱ εἰδωλόλατται*. Изъ всего этого разнообразія понятій мы остановимся только на двухъ терминахъ, идущихъ прямо къ затронутому вопросу: это — *καταμαντεύεσθαι* и *αἱ φαρμακεῖαι*. Чародѣйство было замѣтно уже въ раннемъ періодѣ византійской имперіи — во времена соборовъ Анкирского и Лаодикійскаго. Правило 24-е Анкирскаго собора гласитъ: «Волхвователи (*οἱ καταμαντεύόμενοι*) и слѣдующіе обычаямъ язычниковъ (*τῶν ἐθνῶν*) или вводящіе кого-либо въ свои дома для изобрѣтенія лѣкарствъ (ядовъ, *φαρμακεῶν*) или очищенія подлежатъ подѣ канонъ пятилѣтія, по опредѣленнымъ степенямъ:

три года подклоненія и два года молитвы, безъ просфоры»¹⁾. Св. Василий Великій, повторяя это правило, свое 83-е правило излагаетъ уже слѣдующимъ образомъ: «Волхвователи и слѣдующіе обычаямъ язычниковъ или вводящіе кого-либо въ свои дома для изобрѣтенія лѣкарствъ и очищенія должны подпасть подъ канонъ *шестимѣся*: годъ плакать, годъ слушать, три года подклоняться и годъ должны стоять вмѣстѣ съ вѣрными»²⁾. О существованіи чародѣйства въ византійское время мы узнаемъ далѣе изъ канона св. Григорія Нисскаго, изъ словъ св. Іоанна Златоустаго, изъ 61 правила 6-го вселенскаго собора, въ VII вѣкѣ изъ историческаго труда Теофилакта Симокатты³⁾; въ VIII вѣкѣ свѣдѣнія о практиковавшейся тогда магіи занесены въ житіе св. Льва, еп. Катанскаго, въ IX в. также извѣстно нѣсколько случаевъ волхвованія и чародѣйства. То же можно сказать о X и XI столѣтіяхъ. Отрывочность, случайность и спорадичность извѣстій говоритъ, конечно, о томъ, что колдовство со временъ церковнаго осужденія соборами и свв. отцами или ослабѣло, или практиковалось потаеннымъ образомъ, такъ что не могло обратить на себя особеннаго вниманія современныхъ писателей. И такое затишье продолжалось до XII вѣка, до временъ севасты Зои Мстиславны. Послѣ долгаго перерыва она первая, такъ сказать, призвала къ жизни остатки умершаго язычества, воскресила запретное колдовство и чародѣйство. Но почерпнула ли она его въ тайникахъ византійскихъ домовъ, или пріѣхала изъ Кіева въ Царьградъ уже съ готовымъ предрасположеніемъ къ этому и вызвала здѣсь къ жизни таившійся во мракѣ кругъ отверженныхъ ея адептовъ? Если въ Византіи волхвы и чародѣи могли существовать до XII вѣка, если даже на Западѣ въ то время колдовство было явленіемъ зауряднымъ, вызывавшимъ инквизиціонные суды и обширную литературу, то и на Руси, какъ еще болѣе невѣжественной, не было недостатка въ колдунахъ и чародѣяхъ, въ волхвахъ и ворожеяхъ. Мы хотѣли бы думать, что Добродѣя-Зоя вывезла склонность къ чародѣйству изъ Руси, изъ Кіева (ср. «кіевская вѣдьма»), и въ Византіи оживила страсть къ этого рода «медицинѣ». Замѣчательно при этомъ, что со времени Зои чародѣйство стало распространяться въ византійскомъ обществѣ сначала

1) Ράλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα, III. 66.

2) Ibid. IV. 250.

3) Выписка изъ Симокатты приведена между прочимъ у Montesquieu въ его L'esprit des lois, а отсюда въ «Наказѣ» имп. Екатерины II: II. С. З. № 12. 949 n. 499.

среди ея родственниковъ и близкихъ къ ней лицъ, — очевидный признакъ того, что севаста Зоя Мстиславна была инициаторомъ въ дѣлѣ пробужденія этой темной стороны византийскаго невѣжества. Тотъ же Вальсамонъ продолжаетъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «послѣ же ея (Зои) смерти, во дни святѣйшаго патріарха господина Льва Стиппа, нѣкіе изъ родственниковъ и подданныхъ ея были тяжело наказаны за то, что часто были уличаемы въ волшебствѣ и всею душою вѣрили сатанинскому негодному дѣйствию. Другіе же излѣчивались (отъ чародѣйства) посредственною епитиміею, (сознавшись) что слѣдовали злу не часто и не отъ души»¹⁾. Уже Дюканжъ замѣтилъ тутъ нѣкоторую нескладность въ словахъ Вальсамона, ибо Зоя пережила патріаршество Льва Стиппа (1134 — 1143), во всякомъ случаѣ, въ 1142 г. она была еще жива. Но, заподозрѣвая это свѣдѣніе, мы, впрочемъ, отнюдь не сомнѣваемся въ самомъ фактѣ наказанія чародѣевъ, родственниковъ Зои. Возможно, что наказаніе ихъ послѣдовало въ болѣе позднее время, напр., при Михаилѣ Куркуасѣ (1143 — 1146), Космѣ Атикѣ (1146 — 1147) или даже Николаѣ Музалонѣ (1147 — 1151), — Вальсамонъ, быть можетъ, только ошибся въ имени патріарха.

То, на что указано Вальсамономъ только мимоходомъ, историками передается довольно подробно. Никита Акоминатъ сообщаетъ намъ, что дочь царя Алексѣя и Зои была замужемъ за Алексѣемъ, сыномъ великаго domestika Іоанна Аксуха. Характеризуя ее, Никита замѣчаетъ: «она любила своего мужа и цѣнила цѣломудріе, какъ ни одна изъ женщинъ; это была красавица и свѣтлое украшеніе женщинъ въ своемъ царскомъ родѣ, любимый предметъ разговора у всѣхъ». Но вотъ мужъ ея Алексѣй былъ обвиненъ въ *колдовствѣ* противъ имп. Мануила и былъ арестованъ. Жена его пыталась лишить себя жизни; но, когда это ей не удалось, она на колѣняхъ умоляла Мануила за своего мужа. Царь, однако, не тронулся ея мольбами и заточилъ Алексѣя въ монастырь. Въ печальномъ одиночествѣ она сошла съ ума, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей. Въ то же время подобными волшебствами занимались Ааронъ Исаакъ, коринѳянинъ, Сноѣ Склиръ и Ми-

1) Migne. Patrol. gr. CXXXVIII. 801 — 804: μετὰ θάνατον δὲ ταύτης διὰ τῶν ἡμερῶν τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου κυροῦ Λέοντος τῶν Στυπῶν τινες μὲν τῶν προσγεγῶν καὶ τῶν ὑποχειρίων αὐτῆς βαρέως ἐπιτιμῆθησαν, ὡς πλειστάκις καταμαντευσάμενοι καὶ ὁλοφύχως τῇ σατανικῷδε ἄρρητουργίᾳ πιστεύσαντες. Ἄλλοι δὲ διὰ μετρίου ἐπιτιμίου ἐθεραπεύθησαν, ὡς μὴ πλειστάκις μηδ' ἐκθύμως τῷ κακῷ ἀκολούθησαντες.

хаиль Сикидить. Они, между прочимъ, занимались магіей и другими «дьявольскими обманами», присушиваніемъ дѣвицы къ молодцу и пр.¹⁾. Безспорно, что Алексѣй Аксухъ былъ достоинъ всякаго уваженія, ради котораго Никита готовъ, повидимому, не вѣрить взведенной на него клеветѣ. Мы, однако, полагаемъ, что рядомъ съ очень почтенными достоинствами могли уживаться и такія, къ числу которыхъ относится чародѣйство. Только это чародѣйство, можетъ быть, было другаго порядка, нежели чародѣйство, караемое по *lex majestatis*. А въ такомъ случаѣ довольно правдоподобнымъ кажется слѣдующее: Зоя сначала увлекла Алексѣя Аксуха страстью къ чародѣйству. Сдѣлавшись близкимъ къ ней человѣкомъ и полюбивъ ее дочь, Алексѣй сдѣлалъ предложеніе послѣдней, женился, но и позже не оставлялъ пріобрѣтенной страсти, которая, будучи раздута и представлена въ иномъ свѣтѣ интригами, и послужила поводомъ къ его заточенію.

Такимъ образомъ русская княжна и византійская севаста, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, собираетъ около себя лицъ, интересующихся чародѣйствомъ, и стоитъ въ центрѣ этого кружка. Не будетъ удивительнымъ, если мы скажемъ, что она уже въ 1122 г. могла пріѣхать въ Царьградъ *чародѣйкою*, принеся изъ Кіева всѣ задатки къ этого рода волхвованію. Чародѣйство при дворѣ Владиміра Мономаха! Несмотря на неожиданность такого представленія самый фактъ можетъ оказаться довольно правдоподобнымъ. Что на Руси было широко распространено чародѣйство, доказывается многими данными, собранными проф. Е. В. Пѣтуховымъ²⁾. Кромѣ того существуетъ еще слово «о лѣчащихъ болѣзни волхвованіемъ и наузы», приписанное св. Іоанну Златоустому, но въ дѣйствительности, какъ кажется, сочиненное на Руси только подъ вліяніемъ Златоустова слова «о слабости и врачахъ»³⁾. Проповѣдникъ вооружается здѣсь противъ волхвовъ и волхвованія, находя чародѣйство богопротивнымъ дѣломъ. «Не идемъ,—говоритъ онъ,—ко врагамъ Божиимъ—къ волхамъ и чародѣмъ: то врази Божіи суть. Лучше есть умерети, нежели ко врагомъ Божіимъ иди. Кое пособіе тѣло цѣлити, а душу губити? Кая обрѣтель здѣ мало пріяти утѣшенія, а онамо послану быти съ бѣсы въ вѣчный огнь»? Слово это дошло до насъ въ очень многихъ

1) Nicet. Choniât., I. 187—192 B.

2) Е. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій. Спб. 1888, стр. 56 и сл.

3) Migne. Patr. gr., LXIII. 651—656.

спискахъ XVI вѣка¹⁾, но уже одинъ языкъ этого памятника говоритъ за то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со словомъ глубокой древности. Очевидно, что уже въ то старое время какъ на почвѣ Византіи, такъ и у насъ на Руси были проповѣдники, которые съ канонической точки зрѣнія обращали вниманіе на эту темную сторону невѣжества и вооружались противъ нея.

Византійскіе канонисты осудили севасту Зою, но снисходя къ другимъ ея добрымъ дѣламъ, смягчили свой приговоръ. И самъ имп. Мануилъ, повидимому, не любилъ чародѣевъ и преслѣдовалъ ихъ, какъ скоро заподозрѣвалъ ихъ въ покушеніи на его особу, примѣромъ чего можетъ служить Алексѣй Аксухъ. Можно думать, что Мануилъ не питалъ особеннаго почтенія къ Зоѣ Мстиславнѣ за то, что она слыла при дворѣ за чародѣйку. Но что онъ могъ сдѣлать по отношенію къ Алексѣю Аксуху, того не рѣшился сдѣлать въ отношеніи къ Зоѣ: отсутствіе прямыхъ уликъ, близость родства его съ севастою и нежеланіе портить своихъ отношеній съ Россіею могли дѣлать невозможнымъ крутой и рѣшительный шагъ императора при расправѣ съ севастою. Довольно было и того, что духовная власть осудила ея неканоническіе поступки.

О времени кончины Зои Мстиславны нѣтъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ, ибо сейчасъ приведенное извѣстіе Вальсамона о томъ, что Зоя умерла до патріаршества Льва (до 1134 г.), очевидно ошибочно. Но этотъ канонистъ, съ одной стороны напутавшій, съ другой—далъ нѣсколько указаній къ поправкѣ этого извѣстія. Во-первыхъ, говоря о чародѣйствѣ Зои, онъ замѣтилъ: *εἶδον γὰρ τοῦτο, καὶ πραγματικῶς γεγρονός*, «я видѣлъ это собственными глазами». Отсюда слѣдуетъ, что Θεодὼρ Вальсамонъ еще засталъ Зою въ живыхъ и даже присутствовалъ во дворцѣ при ея смерти. Затѣмъ, говоря о супругѣ царя Алексѣя, онъ называетъ ее *μακαρίτις*. Обыкновенное выраженіе *μακάριος* (блаженный, поэтично *μάκας*) примѣнялось къ усопшимъ духовнымъ лицамъ и святымъ; по отношенію къ умершимъ свѣтскимъ лицамъ царскаго рода употреблялось выраженіе *μάκας*. Но слово *μακαρίτης* и *μακαρίτις*, какъ это подмѣчено учеными, относится къ знат-

1) Рук. кн. П. II. Вяземскаго Q. CLXXVIII, XVI в., л. 255; Имп. Общ. Люб. Древ. Писъм. Q. CCXXXVI, XVI в., л. 59 (нашего Описанія II. 361); Троицко-Сергіевой лавры № 203, XVI в., л. 14 об. (ср. у Пѣтухова, стр. 138); Прологъ, подъ 9-мъ марта (синод. изд. 1877 г. л. 17). Сокращеніе этого слова помѣщено въ Измарагдѣ первой редакціи, составленной, какъ думаютъ, въ XIV вѣкѣ (В. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Одесса 1893, стр. 22, 35, 93—94).

нымъ особамъ, умершимъ *въ недавнее время*¹⁾, и вполне соответствующему нашему понятію «покойный». Такимъ образомъ Вальсамонъ еще засталъ Зою въ живыхъ и затѣмъ говоритъ о ней какъ о недавно умершей. Мы имѣли бы тутъ хорошее указаніе на приблизительное время кончины севасты Зои, если бы опредѣленно знали, когда онъ написалъ комментарий къ канонамъ св. Василия Великаго. Однако о жизни его мы почти ничего не знаемъ. Какъ патріархъ Антиохійскій, онъ правилъ престоломъ съ 1186 по 1203 годъ, когда онъ вѣроятно и умеръ. Не имѣя въ рукахъ сколько-нибудь прочныхъ данныхъ, чтобы быть точнымъ въ этомъ темномъ вопросѣ, но удовлетворяя академическому любопытству, мы позволяемъ себѣ думать, что Зоя могла дожить до 65-тилѣтняго возраста и умереть ок. 1172 года²⁾. Дочери ея въ это время было уже ок. 33 лѣтъ, она была, какъ сказано, уже замужемъ и имѣла двухъ дѣтей. Спѣшимъ оговориться, что эти разсужденія основаны, какъ видно, на очень шаткихъ предположеніяхъ, — но мы и не желаемъ придавать цифрѣ 65 хотя бы сколько-нибудь опредѣленнаго значенія.

Относительно практическихъ результатовъ разобраннаго здѣсь брака можно сказать немногое. Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ, умѣвшіе заводить родственныя связи съ иностранными государствами³⁾, охотно, какъ надо думать, согласились породниться съ царствующимъ домомъ Комниновъ; этимъ путемъ Мстиславъ несомнѣнно усиливалъ авторитетъ своей власти между другими русскими князь-

1) Ср. Praef. ad. Cinnam. ed. Bonn. p. XXVI: «solent enim graeci viros potissimum illustres, qui haud item pridem decesserunt, τῶν μακροτίμων appellatione donare, ut ex Synesio et aliis constat: quemadmodum feminas nobiliores τῶν μακροτίμων; quam ultimam vocem usurpant idem Synesius epistola 44 et Pachymeres l. 4 c. 23».

2) Разъ мы допустимъ, что Вальсамонъ могъ умереть въ возрастѣ, среднимъ числомъ, 65 лѣтъ, мы тѣмъ самымъ должны допустить, что онъ могъ родиться ок. 1138 года. Когда онъ находился у одра умиравшей севасты Зои, во время ли своего патріаршества, или до него? Вѣроятнѣе предположить, что онъ находился въ Константинополѣ во дворцѣ до 1186 года, стало быть до этого времени умерла и Зоя. Но Вальсамонъ могъ быть во дворцѣ не моложе 20 лѣтъ, значить время смерти Зои должно быть приурочено къ 1158 — 1186 г. или, среднимъ числомъ, 1172 году. Итакъ изъ двухъ проблематичныхъ положеній: а) Зоя родилась ок. 1107 г., б) Зоя могла умереть ок. 1172 г., мы выводимъ новое: Зоя могла умереть въ возрастѣ 65 лѣтъ.

3) Одна дочь Мстислава, Мальфрида, была замужемъ за норвежскимъ королемъ Сигурдомъ, другая, Евфросинія, за венгерскимъ королемъ Гейзою, третья, не поименованная, за оботритскимъ королемъ Канутомъ (Кн. II. Долгоруковъ. Россійская родословная книга. Спб. 1854, стр. 129). Слѣдуетъ еще прибавить, что четвертая дочь его, Ксенія Мстиславна, была замужемъ за полоцкимъ княземъ Брячиславомъ Борисовичемъ, пятая за княземъ Ярославомъ Святополковичемъ (II. С. Р. Л. VII. 24 вариантъ з).

ями. Считая теперь Царьградъ городомъ для себя не совѣмъ чужимъ, онъ могъ завязывать съ нимъ разнообразныя сношенія и даже ссылатъ сюда непокорныхъ русскихъ князей—на смиреніе. У Комниновъ въ означенное время можно было поучиться идеѣ самодержавія, до которой еще не доросли многіе тогдашніе русскіе князья!

Резюме всего сказаннаго доселѣ, что можетъ отнынѣ занять мѣсто въ русской исторіи XII вѣка, передается въ очень немногихъ словахъ: Мономахъ и Мстиславъ, умѣвшіе заводить родственныя связи съ иностранными государствами, въ 1122 г. выдали свою внуку и дочь Добродѣю (Евпраксию?) замужъ за византійскаго царевича Алексѣя, старшаго сына имп. Калуюна Комнина и его соимператора. При бракосочетаніи и коронованіи Добродѣя была здѣсь переименована въ Зою и получила титулъ севасты и царицы. Отъ этого брака Зоя имѣла дочь, пережила своего супруга (—1142), занялась медициною и написала на греческомъ языкѣ цѣлый медицинскій трактатъ «*Ἀλεξίμεινα*»; но передъ смертью (ок. 1172 г.) она обратилась къ колдунамъ и чародѣямъ, чѣмъ навлекла на себя осужденіе духовной власти. Канонистъ Θεόδωρος Βαλσαμόν, лично ее видѣвшій на одрѣ послѣдней болѣзни, выразился о ней такъ, что она этимъ заслужила негодованіе со стороны церковныхъ каноновъ, но Господь Богъ облегчилъ это негодованіе за другія ея добрыя дѣла.

Хр. Лопаревъ.